

— Слышали?! Токсичные испарения в Юйнане скоро исчезнут! — нетерпеливый военачальник не сдержал волнения и хлопнул ладонью по столу так сильно, что чашки с чаем подпрыгнули.

— Именно! — подхватил другой, глаза его горели, будто он уже видел день триумфа, когда сам император выйдет встречать победителей. — Даже без этой Фэн Юйфэй наша армия сможет двинуться на юг и разгромить врага в самом сердце его логова!

— Я всё понял, — пробормотал третий, поглаживая короткую бородку и покачивая головой с видом человека, которому наконец-то всё стало ясно. — Просто эта женщина заняла пост главнокомандующего на юге лишь потому, что удачно воспользовалась благоприятным стечением обстоятельств.

— Если бы туда отправили нас, мы бы справились гораздо лучше! — добавил четвёртый, едва сдерживая нетерпение.

Среди общего одобрения один из военачальников — добродушного вида, обычно молчаливый — почесал затылок с некоторой неловкостью и прямо сказал:

— Это верно. Женщина по природе своей должна оставаться дома, заботиться о муже и детях. Выскакивать на поле боя, размахивать мечом... Разве это не значит, что мы, мужчины, оказались бессильны?

Фраза прозвучала наивно, даже глуповато: первая часть была обычной городской болтовнёй, но вторая неожиданно повернула в странную сторону и задела собственных товарищей.

Такое замечание вызвало возмущение.

— Ты...! — лицо соседа построилось грозно, и он уже собирался ответить резкостью, но его быстро остановил другой. Тот многозначительно кивнул в сторону говорившего и, приложив палец к виску, тихо прошептал:

— Тс-с-с... Помолчи. Мы же столько лет вместе служим — разве ты ещё не понял, что у него здесь... — он слегка постучал пальцами по виску, — воображает медленнее других? Да и грамотность у него... Лучше не спорить — только сам разозлишься. Ну его, простим ради великодушия.

Военачальник глубоко вздохнул, проглотил готовые сорваться слова и, фыркнув, отвернулся, больше не глядя на своего наивного товарища.

Ли Чжао, услышав этот неприкрытый разговор, чуть заметно изогнул уголки губ. Улыбка не коснулась глаз: ведь речь шла о подчинённых, уже перешедших к нему на службу, и как хороший начальник он обязан был защищать их репутацию.

Эти воины, хоть и болтали без удержу, были простодушны в помыслах — с ними было легче иметь дело, чем с коварными чиновниками. Но всё же требовалось их немного осадить, иначе каждый возомнил бы себя небожителем.

— Хм, господа генералы — все вы мастера военного дела, — начал он спокойно, — и прекрасно знаете: для успеха нужны три условия — благоприятное время, выгодная местность и поддержка людей. Сейчас перемена времени лишь намечается.

Он сделал паузу, неторопливо отпил глоток чая и продолжил, обращаясь прямо к тем, кто только что горячился:

— Даже если проблема времени решится, вас всё равно ждут две серьёзные преграды: незнакомые джунгли, полные опасностей, и запутанные отношения с местными племенами.

— Кто из вас, господа, достаточно смел и уверен в себе, чтобы добровольно повести войска в эти земли, где, пусть и ослабшие, но всё ещё коварные токсичные испарения, сумеет найти общий язык с туземцами и обратить их сопротивление в поддержку?

Он обвёл взглядом собравшихся военачальников — взгляд был ровный, спокойный, но действовал как холодный душ.

— Если такой человек найдётся, я с радостью доложу об этом Его Величеству и порекомендую вас. Когда испарения окончательно рассеются, вы сможете действовать совместно с основными силами и одним ударом очистить Юйнань. Первому, кто принесёт победу, Его Величество, несомненно, не пожалеет высокого титула.

После этих слов шумная и самоуверенная группа военачальников внезапно замолчала — стало слышно, как иголка падает. Многие начали нервно переводить взгляд: одни уставились на свои сапоги, будто вдруг обнаружив там необычайно интересные пятна грязи; другие подняли глаза к небесному экрану, словно там появилось нечто важнее новости об исчезновении токсинов.

Бравада «если бы я пошёл — сделал бы лучше» испарилась бесследно, как пламя, из которого вынули дрова, оставив лишь тонкий дымок.

Ведь на экране чётко сказали: даже при изменении климата до полного исчезновения токсичных испарений, позволяющих армии свободно передвигаться, пройдёт ещё не менее десяти-пятнадцати лет. За это время молодой, полный сил командир может состариться и поседеть.

А сейчас добровольно отправиться туда — значит первым шагнуть в опасные, чуждые земли, годами бороться с остатками испарений, делить ночлег с ядовитыми змеями и пытаться понять тех, чей язык тебе незнаком.

Неосторожность — и тело подкосит раньше, чем испарения исчезнут. Героическая смерть на поле боя — это слава, а умереть от токсинов — позор, и на надгробии даже написать нечего достойного.

К тому же Фэн Юйфэй, прожившая в Юйнане много лет, всё равно нуждалась в поддержке двора. А они, попав туда впервые, и стороны света не разберут — откуда тут взять славу и заслуги?

Ли Чжао внимательно наблюдал за реакцией собравшихся и был доволен. Он и не рассчитывал, что эти болтуны способны на такое задание. Ему просто нужно было остудить их пыл. Настоящие люди редко те, кто громче всех кричит.

Небесный экран сменил изображение: теперь на фоне извилистых дорог Юйнаня и разбросанных по склонам деревень предстала женщина в профиль. Её силуэт был озарён закатным светом, лицо оставалось в тени, но из всего образа исходила тихая, непоколебимая решимость.

«Поняв, что долгожданный шанс наконец появился, Фэн Юйфэй осознала: её собственных сил, накопленных за годы тайной деятельности в Юйнане, недостаточно, чтобы свергнуть этого исполина.

Ей нужен был могущественный союзник — партнёр, способный предоставить ту самую недостающую военную мощь.

Она вновь обратилась к прежнему союзнику — Императору-Основателю. И тогда южная птица с ярким оперением перелетела через тысячи гор и рек, донеся до дворца послание: „Эй, друг! Не хочешь ли снова повернуть нечто грандиозное?“ — „Охотно!“ — ответил Император-Основатель.

Разумеется, это шутка. Реальные переговоры в истории никогда не решались так легко, как в народных сказаниях. Это был длительный, взвешенный процесс, полный взаимных уступок. Послания посылались голубями, тайные посланцы сновали туда-сюда — каждое слово взвешивалось, каждое обещание выверялось до последней черты.

Козыри Фэн Юйфэй были ясны: она досконально знала запутанный рельеф Юйнаня, распределение племён и их внутренние противоречия. Более того, благодаря многолетним усилиям она могла влиять на некоторые ключевые племена. Это знание нельзя было получить за день или год — оно досталось ей ценой десятилетий терпения, пота и крови.

На самом деле, она уже давно использовала эти ресурсы, чтобы создавать проблемы мятежникам, но её цели были куда масштабнее. Она стремилась полностью уничтожить своих врагов. А врагом был целый мини-двор, существовавший в Юйнане многие годы».

На экране появилась схема: бывший канцлер бывшей династии в центре, вокруг — старая

бюрократическая система, армия, переселившиеся семьи. Сложная сеть связей соединяла все элементы, образуя полноценное, хотя и компактное, государство в государстве — гораздо более запутанное, чем представляли себе большинство присутствующих.

Один из старых чиновников, лично участвовавший в последней карательной экспедиции, с болью смотрел на схему:

— Проклятье! Как же это досадно! Если бы не тот проклятый предатель, который тогда выдал наши планы, этот развратный канцлер давно бы лежал под топором палача! Откуда бы тогда взялась эта язва в Юйнане!

Его пальцы дрожали, а в старческих глазах блестели слёзы досады.

Другой, тоже знавший правду, тяжело вздохнул:

— Да... Кто мог подумать? Тот, кто прошёл с нами через горы трупов и реки крови, в самый последний момент предал нас. Сердце человеческое — непостижимо. Его Величество тогда страшно разгневался. А теперь и могилы того человека не найти.

Ли Чжао слышал эту историю от отца. Тот человек был одним из первых, кто последовал за императором в борьбе за трон. В одном из самых кровавых сражений он принял на себя смертельный удар, предназначенный отцу Ли Чжао, — между ними была связь, проверенная жизнью и смертью.

Но в конце концов он, недовольный всё более абсолютной властью императора, стал мечтать о разделе мира и тайно сговорился с остатками прежней династии. Именно тогда старший брат Ли Чжао получил своё увечье.

Император был человеком странным: иногда он был чрезвычайно обидчив и не терпел малейшего неповиновения; а иногда, напротив, казался совершенно безразличным — и даже рассказывал эту болезненную историю всем своим детям, не скрывая подробностей, как урок.

Ли Чжао было тогда двенадцать лет. Он помнил, как отец хладнокровно, почти без эмоций пересказывал каждую деталь предательства, будто вырезая их ножом по памяти.

В конце император спросил:

— Ну что, как вы думаете?

Дети робко высказывали мнения: одни ругали предателя за неблагодарность, другие сетовали на изменчивость человеческого сердца. Когда очередь дошла до Ли Чжао, он произнёс всего четыре иероглифа:

— Нельзя верить всем.

Отец взглянул на него, ничего не сказал, лишь махнул рукой — идите. Но Ли Чжао знал: он ответил правильно.

Потому что именно в этом и был урок: в императорской семье доверие — редкий и дорогой товар.

«Хотя всех мятежников в Юйнане называли единым целым, их было немало.

Бывший канцлер оказался человеком недюжинного ума: он увёл с собой почти всех чиновников и знатных семей, отказавшихся подчиниться новой династии, и вместе с остатками армии создал в горах Юйнаня вполне функциональное сепаратистское государство.

Многие из бывших сановников предпочли уйти в эти токсичные джунгли, нежели служить новой власти. Среди них были, конечно, и верные приверженцы старого порядка, но большинство просто не хотело терять огромную власть, которой пользовались при прежнем дворе.

За годы их влияние укоренилось глубоко, как корни древнего дерева: поколениями выстраивались связи, заключались браки, и вся эта сеть стала неуязвимой для одного человека, даже если он жаждет мести.

Цель же Императора-Основателя была иной: вернуть эти земли в состав империи. Главная трудность заключалась в том, чтобы сделать это с минимальными потерями — желательно вообще без боя, и особенно важно было заручиться поддержкой местных племён, а не нажить новых врагов.

Для этого требовался человек, отлично знающий ситуацию изнутри и обладающий реальным влиянием на месте. Фэн Юйфэй идеально подходила. Они вновь заключили союз.

Император-Основатель согласился и направил войска, предоставив Фэн Юйфэй полномочия принимать решения на месте и действовать по своему усмотрению.

Сначала присланные офицеры и солдаты были недовольны: подчиняться женщине и идти в такие глухие места — кому это понравится? Многие считали себя пешками, которых послали на верную гибель.

Но эти сомнения быстро рассеялись перед лицом реальных результатов.

Фэн Юйфэй в бою проявляла истинное мастерство адаптации. Она использовала своё знание каждой горной тропы, каждого подземного ручья и каждого лесного массива, а также глубокое понимание обычаев местных племён, чтобы продумывать каждую операцию.

Она никогда не шла в лобовую атаку и не следовала догмам военных трактатов. Она была

только в самые уязвимые моменты, добиваясь максимального эффекта при минимальных потерях.

Когда заместитель увидел, как она, используя особенности местности и природные преимущества, без единого лишнего удара захватывает территорию за территорией, он был поражён до глубины души — и вскоре признал её авторитет безоговорочно. Те, кто раньше кричал: «Женщина на войне?», стали самыми послушными.

Солдаты тоже охотно шли за ней: меньше потерь, больше побед — кто не мечтает о такой войне, после которой можно вернуться домой живым и с наградами?

Армия обрела единство, боевой дух поднялся. И продвижение по землям Юйнаня, некогда внушавшим ужас, пошло гораздо быстрее, чем кто-либо ожидал».

На экране развернулась динамическая карта: границы империи Дашэн расширились, и территория, окрашенная в светло-жёлтый цвет, одна за другой переходила в насыщенный алый, будто живая ткань, охваченная пламенем.

Этот красный цвет напоминал и огонь, и кровь — он неудержимо продвигался вглубь Юйнаня.

Граница постоянно сдвигалась, города загорались, как звёзды, дороги связывали север и юг. Каждый раз, когда на карте вспыхивал новый город, на экране поднимался маленький флажок, развеваясь на ветру.

Земли, которые раньше существовали лишь на картах как далёкие отметки, теперь одна за другой становились неотъемлемой частью империи.

Присутствующие, наблюдая, как цвет империи на карте неуклонно расширяется, чувствовали, как сердца их наполняются волнением. Кто-то невольно сжал кулаки, кто-то затаил дыхание — будто боялся нарушить величие происходящего.

— Какой прекрасный цвет! — тихо произнёс кто-то.

В голосе звучало нечто неуловимое: гордость, благоговение... и, возможно, трепет перед величием неумолимой истории.

<http://bllate.org/book/17167/1607974>